

ДЕЯТЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ

УДК 061.75"467.120"

Сукиасян Э.Р.

Николай Валерианович Русинов (1873–1940)

Очерк жизни и деятельности.

Имя Н.В. Русинова — крупнейшего практика и выдающегося теоретика в области библиотечной классификации — занимает особое место в истории библиотечного дела. Незаменимым справочным пособием для многих поколений библиотекарей стали таблицы классификации, опубликованные под его именем [42]¹. "Среди теоретиков десятичной классификации в СССР, — писал Е.И. Шамурин, — Н.В. Русинов не имеет себе равных"². На протяжении нескольких десятилетий индексы десятичной классификации, проставленные рукой "первого систематизатора", можно было увидеть на печатных карточках и в "Книжной летописи".

В 1993 г. исполняется 120 лет со дня рождения Н.В. Русинова. К сожалению, его вклад в теорию и методику библиотечной классификации не получил должной и объективной оценки. О жизни и неутомимой творческой деятельности этого талантливого человека можно прочесть всего несколько строк, так как имеющиеся публика-

¹ Отсылки к списку трудов Н.В. Русинова, составленному в хронологии их написания.

² Шамурин Е.И. Н.В. Русинов и десятичная классификация в СССР: Вступ. статья // Русинов Н.В. Десятичная классификация книг: Таблицы и метод. указания. — М., 1944. — С. 3.

ции ограничиваются лишь краткой информацией³. В 1987 г. нам удалось привлечь внимание к личности и трудам Н.В. Русинова путем публикации фрагментов из его книги "Десятичная классификация и систематический каталог: Введение"⁴.

Оказалось, что книгу почти никто не знает — даже в среде специалистов, профессионально занимающихся УДК. Мы пользуемся переводами зарубежных авторов, в то время как располагаем собственной монографией, теоретический и методический уровень которой сохраняет свое значение и через 50 с лишним лет!

Путь Н.В. Русинова в библиотечное дело необычен. Представить реальный образ этого многосторонне образованного человека, проявившего себя в разных областях деятельности, можно по его работам, архивным материалам, воспоминаниям тех, кто был лично знаком с Н.В. Русиновым.

Николай Валерианович Русинов родился в Петербурге 24 декабря 1873 г. в семье служащего Министерства земледелия и государственных имуществ. Отец занимал достаточно высокий пост, успешно продвигался по службе и вышел на пенсию в чине статского советника. Мать имела собственную музыкальную школу и старалась с детства развивать в ребенке гуманитарное начало. Однако сын, получив домашнее музыкальное и искусствоведческое образование, не пожелал продолжить его. Прервав обучение в 1-й Петербургской гимназии, Н.В. Русинов поступил в реальное училище и закончил его коммерческое отделение. Этот шаг имел далеко идущие последствия. К двадцати годам у юноши сформировалось твердое желание стать врачом. Но по законам Российской империи на медицинские факультеты не принимались выпускники реальных училищ. Пришлось выбрать другую специальность. В 1900 г. Н.В. Русинов окончил Харьковский ветеринарный институт, успешно сдал экзамен на степень магистра ветеринарных наук. Началась ordinaria жизнь участкового ветеринарного врача, заведующего лечебницей в Константиноградском уезде Полтавской губернии. К этому времени относились первые выступления Н.В. Русинова в печати. В его статье, посвященной ветеринарному образованию в России, мы находим следующие строки:

³ Сукиасян Э.Р. Русинов Н.В. // Книговедение: Энцикл. словарь. — М.: Сов. энцикл., 1982. — С. 476; Сукиасян Э.Р. Н.В. Русинов // Сов. библиотекосведение. — 1984. — № 5. — С. 108—112.

⁴ Из творческого наследия Н.В. Русинова // Систематизация и систематический каталог: Сб. науч. тр. / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. — М., 1987. — С. 130—135.

"Ветеринария — прикладная биологическая наука. Предмет биологии — жизненные явления. Они многочисленны и разнообразны, но изучаются, сравниваются, классифицируются, обобщаются и подводятся под общие законы, обнимающие собой все частные случаи" [1, с. 26].

Жажда знаний не покидала молодого ветеринара. В 1900/01 учебном году он слушал дополнительный курс по бактериологии. Параллельно продолжалось увлечение публицистикой и журналистикой. В 1900—1901 гг. Н.В. Русинов сотрудничал в еженедельнике "Хуторянин", в 1900—1902 гг. — в "Ветеринарном фельдшере", общедоступном журнале Российского ветеринарного общества для сельских читателей и ветеринарных фельдшеров.

В 1902 г. семья Н.В. Русинова переехала в Москву, где он занял пост заведующего лабораторией Московского общества покровителей животных. Здесь он работал до 1914 г., постоянно повышая свою квалификацию и расширяя кругозор. Н.В. Русинов пытался вновь реализовать мечту о медицинском образовании, однако опять получил отказ. Два прошения на имя министра народного просвещения результатов не принесли: диплом ветеринара, как утверждали начальники департаментов, ничего не говорит о среднем образовании, надо было кончать гимназию. В 1906 г. Н.В. Русинов опубликовал в печати эту переписку, обличая систему, при которой власти закрывают возможность получения интересной профессии [4].

С 1902 г. Н.В. Русинов посещал курсы по бактериологии и другим дисциплинам на естественном и медицинском факультетах Московского университета. Случайно в соседних аудиториях шли занятия историко-филологического факультета. Два года Н.В. Русинов изучал историю и литературу. В 1906 г. вышла в свет интереснейшая литературоведческая работа — "Тип ветеринара в литературе и вопросы психологии ветеринарной профессии" [5]. Активные занятия литературой, историей, журналистикой, психологией, казалось бы, несколько не мешали каждодневной ветеринарной практике.

В 1910 г. Н.В. Русинов поступил в Московский археологический институт, а в 1915 г. после защиты диссертации и награждения золотой медалью получил звание ученого-архивиста (второе профессиональное звание Н.В. Русинова). Он принял предложение стать преподавателем курса архивоведения, а с 1919 г. — штатным сотрудником института. Бросить сразу ветеринарию и бактериологию было невозможно: вечерами в физиологической лаборатории Петровской

(ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии Н.В. Русинов продолжал работу над диссертацией "Материалы к учению о пищеварении у птиц". Через два года диссертация опубликована в печати [6] и представлена к защите в Харьковский ветеринарный институт. Однако в 1919 г. ученые степени отменены, защита не состоялась. С этого времени Н.В. Русинов прекратил служебные связи с ветеринарией и физиологией, но любовь к животным и широкая известность Н.В. Русинова-ветеринара заставляли еще многие годы вести частную ветеринарную практику.

Трудно сказать, когда именно открылся в Н.В. Русинове талант "децималиста" — так называли в те годы знатоков и пропагандистов десятичной классификации. Известно, что еще в годы учебы в Московском археологическом институте он составил каталог с использованием десятичной классификации. Первые работы по архивоведению относились к 1918 г. [7, 8]. В 1918—1923 гг. Н.В. Русинов являлся сотрудником Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции, одновременно вел консультативную и преподавательскую работу в Центральном архиве РСФСР. В марте 1921 г. он стал сотрудником Русского библиографического общества при Московском университете, через полтора года избран действительным членом, назначен хранителем библиотеки общества.

Н.В. Русинов быстро выдвинулся в число наиболее квалифицированных специалистов по десятичной классификации, убежденных пропагандистов новых методов каталогизации документов. Об этом свидетельствовали его многочисленные выступления в печати, приглашения в правительственные органы в качестве консультанта.

В сентябре 1922 г. Н.В. Русинов на условиях сдельной оплаты начал помогать "индексатору" (так называлась тогда эта должность) Российской центральной книжной палаты Б.В. Скловскому. Уже с апреля 1923 г. он окончательно перешел на работу в Книжную палату, где и трудился до последнего дня.

Ежедневную систематизацию непрерывного книжного потока Н.В. Русинов сочетал с теоретической и методической работой. В начале сентября 1923 г. он выехал в полуторамесячную командировку в Бельгию для участия в конгрессе, организованном Международным библиографическим институтом. Однако по пути, в Берлине, выяснилось, что бельгийской визы нет. Пришлось ехать в Голландию, изучать там постановку архивного дела, делопроизводства, возможности применения десятичной классификации в различных сферах обществен-

ной практики. Специально для встречи с Н.В. Русиновым в Голландию приехал Поль Отле. Н.В. Русинов полностью разделял все идеи своего друга (переписка между ними продолжалась почти полтора десятилетия)⁵. Впечатления об увиденном в Голландии Н.В. Русинов изложил в небольшой брошюре [16], а через несколько лет — в статье [23].

В 1924 г. Н.В. Русинов опубликовал большой труд — "Десятичная классификация документов. Руководство и краткие таблицы" [14], через год книга переиздана [15]. В декабре 1924 г. он участвовал в работе Первого Всероссийского библиографического съезда и выступил с докладом "Об индексации Книжной летописи" [19]. Для Первого всемирного конгресса по библиотечному делу и библиографии Н.В. Русинов подготовил материал "К вопросу о применении десятичной классификации", который был включен в программу конгресса, состоявшегося 15—30 июня 1929 г. в Риме — Венеции. Однако выехать туда Н.В. Русинову не удалось, доклад представлен советскими участницами Л.Б. Хавкиной и Г.К. Дерман, а затем напечатан в трудах конгресса [32].

Итогом теоретических и методических наблюдений и изысканий Н.В. Русинова явилась книга "Десятичная классификация и систематический каталог" [33], опубликованная в 1931 г. Предполагалось, что книга явится теоретическим и методическим введением ко второй части — таблицам классификации, работа над которыми велась много лет. Рукопись таблиц в 1936—1937 гг. завершена, набрана и сверстана, отпечатаны первые экземпляры. По свидетельству ближайших коллег Н.В. Русинова, издание не состоялось из-за отрицательного отзыва Н.К. Крупской, знавшей, без сомнения, о работах Л.Н. Троповского, проект таблиц которого опубликован в "Красном библиотекаре" в 1934 г. Уже после выхода в свет этих таблиц (в 1938 г.) стало ясно, что они не могут полностью решить все проблемы классификации для научных библиотек⁶. Библиотекари настоятельно требовали издания "таблиц практики Всесоюзной книжной палаты". Однако подготовленные Н.В. Русиновым таблицы напечатаны лишь в

5

О Поле Отле (1868—1944) см.: У. Бойд Рейворд. Универсум информации. Жизнь и деятельность Поля Отле. — М.: Книга, 1976. — 401 с.; Колмаков П.К. Поль Отле // Книга. Исслед. и материалы. — 1969. — Сб. 18. — С. 225—234.

6

Гульчинский В.И., Сукиасян Э.Р. Л.Н. Троповский // Сов. библиотековедение. — 1985. — № 4. — С. 107—111; Сукиасян Э.Р. К истокам советской теории каталогизации // Сов. библиотековедение. — 1986. — № 6. — С. 38—48.

1944 г. под редакцией Е.И. Шамурина и стали посмертным памятником их автору: Николай Валерианович Русинов скончался 2 июля 1940 г. дома от кровоизлияния в мозг. Прах его после кремации погребен в колумбарии Новодевичьего монастыря. По просьбе Н.В. Русинова его вдова Вера Васильевна и сын Игорь Николаевич передали личный архив во Всесоюзную книжную палату.

Весторонний анализ творческого наследия Н.В. Русинова потребовал бы рассмотрения его работ в области ветеринарии и физиологии (6 произведений), равно как и в области архивоведения и делопроизводства (12 произведений). Такая задача нами, конечно, не ставилась. Попытаемся дать оценку четырем направлениям его деятельности, связанным с десятичной классификацией и систематическим каталогом.

Н.В. Русинов — один из крупнейших пропагандистов десятичной классификации. Он был современником, а во многом и соратником выдающегося библиографа Богдана Степановича Боднарского (1874—1968), активно внедрившего десятичную классификацию (в варианте Международного библиографического института, ДК МБИ) в библиотечную и библиографическую практику. Сферой пропагандистской деятельности Н.В. Русинова стала на первых порах область архивного дела и государственного делопроизводства. Лишь в Книжной палате Н.В. Русинов почувствовал, какую огромную силу имеют публикуемые в ее изданиях ("Летописях" и печатных карточках) классификационные индексы ДК МБИ⁷.

Пропагандируя десятичную классификацию, Н.В. Русинов обращал внимание на несколько обстоятельств. Во-первых, ДК МБИ — реальный инструмент международного сотрудничества. Ведь в то время трудности языкового барьера были почти непреодолимыми — ученые и специалисты Европы русского языка не знали. Ценнейшие научные труды оставались неизвестными, даже попадая в фонды крупных библиотек. Публикация классификационных индексов в изданиях и библиографических пособиях хоть в некоторой степени позволяла раскрыть содержание отечественной книжной продукции. Во-вторых, с помощью ДК ученые и специалисты как бы приобщались к совместной, по сути дела — международной, деятельности по развитию классификационных таблиц. Ведь дополнения и исправле-

7

Привычное для нас сегодня название ("Универсальная десятичная классификация", УДК) ДК МБИ получила во второй половине 1920-х гг., но новое наименование закрепилось не сразу. ДК МБИ то же, что и УДК.

ния к ДК МБИ, а затем и к УДК, подготавливались во многих странах, утверждались, а затем распространялись централизованно. Н.В. Русинов находился в центре этого механизма, так как все нововведения поступали к нему непосредственно от Поля Отле. Ему в полной мере пришлось пережить трагедию, во многом — личную (он лишился возможности переписываться с П. Отле), когда во второй половине 1930-х гг. полностью прервались связи с Международной федерацией по документации.

Н.В. Русинов не был заражен мистикой "децимализма", он видел несовершенство ДК МБИ, говорил даже о ее "очевидных недостатках" [33, с. 22—24], но понимал, что необходимость в унификации, некоей "норме", очевидна для библиотечной практики. Тем не менее во всех случаях, когда реальный успех может быть достигнут только путем нарушения "нормы", надо принимать это нарушение. В своей монографии на многочисленных примерах он показал, как творчески мыслящий систематизатор может строить свой аппарат, используя поистине удивительные возможности классификации [33].

Н.В. Русинов — выдающийся теоретик и практик централизованной систематизации⁸. Впервые попытка сформулировать принципы централизованной систематизации предпринята им в докладе на I Всероссийском библиографическом съезде 3 декабря 1924 г. [19]: 1) всякое произведение печати систематизируется по содержанию, лишь невозможность дать индекс по содержанию допускает систематизацию по формальному признаку; 2) всякое произведение печати систематизируется как самостоятельная единица, даже если оно есть часть целого (серии, сборника и т. д.); 3) сложные понятия, для которых предусмотрены сложные индексы, надо систематизировать этими индексами, а не знаком отношения. Основная проблема централизованной систематизации — выбор необходимого деления из нескольких, предназначенных для отражения одного и того же предмета ("множественная локализация"). Методические рекомендации по преодолению "множественной локализации" были даны в тексте доклада, подготовленного для Первого всемирного конгресса и вызвали большой интерес за рубежом (в то время методикой использования ДК МБИ занимались очень мало) [32].

⁸ Ранее использовался термин "централизованная классификация".

Положения принципиального характера мы находим в монографии Н.В. Русинова "Десятичная классификация и систематический каталог" [33]:

1. Индексы централизованной систематизации не могут быть использованы в библиотеках без предварительного их продумывания и проработки. Объем этой дополнительной работы находится в прямой зависимости от того, насколько отличается практика организации, представляющей индексы, от практики организации, ведущей каталог. Отсюда следует: библиотекарю, использующий централизованную систематизацию, должен хорошо владеть методикой, принятой в той организации, которая предоставляет индексы. Необходима широкая гласность и полная информация об изданиях, дополнениях и исправлениях, методических приемах, новых решениях и т. п.

2. Индексы централизованной систематизации — лишь материал, с помощью которого библиотекарю может строить каталог, "он может творить, т. е. приспособлять чужую классификацию к своим задачам и конструировать каталог по такому плану, какой в каждом отдельном случае представляется наиболее целесообразным" [33, с. 62].

Эти положения далеко не всегда находили понимание не только руководителей, но и библиотечарей-практиков. С годами утрачивалось илтрализованное восприятие централизованной систематизации, как панацеи от всех бед... Становилось ясно, что она не освобождает библиотечарей от необходимости думать и нести ответственность за качество создаваемого аппарата.

Н.В. Русинов — теоретик систематического каталога. Им впервые выдвинуты и обоснованы положения о плане каталога — условия его качества, о различных подходах к "систематизации" (на этапе обработки документа) и "индексации" (на этапе каталогизации — формирования делений каталога). От каталога, говорил Н.В. Русинов, исходят директивы, направляющие работу систематизатора. План каталога должен отражать задачи библиотеки, особенности ее комплектования, интересы и запросы читателей и многие другие параметры. Если задачей систематизации в условиях библиографического центра (иначе говоря, централизованной систематизации) является максимально подробное, точное выявление содержания каждого отдельного произведения с использованием всех возможностей классификационных таблиц, то задачей систематизатора является "систематизация в интересах каталогизации", составление хорошо продуманного, заранее спланированного каталога.

Не кажется ли странным нам сегодня то обстоятельство, что Н.В. Русинов, отвечавший в первую очередь за "индексацию", т. е. простановку индексов в "Книжной летописи", так хорошо понимал проблемы и трудности систематизаторов в библиотеках, конечным результатом работы которых являлся систематический каталог? Ведь карточный каталог Всесоюзной книжной палаты был лишь абстрактной моделью, на базе которой нельзя провести тот или иной эксперимент. Лабораторией Н.В. Русинову служили таблицы классификации. Надо обладать особым талантом, чтобы видеть, как реализуются результаты собственной классификационной деятельности в сотнях и тысячах библиотек страны.

Вклад Н.В. Русинова в методику систематизации. Проблемы общей методики с исчерпывающей полнотой, не имеющей аналогов в мировой литературе, изложены в монографии "Десятичная классификация и систематический каталог" [33]. Н.В. Русинов прекрасно знал литературу по этому вопросу. Исследование текста книги дает основания утверждать, что Н.В. Русинов свободно владел французским и немецким языками (видимо, с детства), читал на английском, а многие статьи писал на украинском языке. Труды П. Отле, Г. Шнейдера, В. Бишопы, Б. Сейерса, М. Дьюи, Д. Брауна, С. Джевонса и многих других многократно цитировались и комментировались (автор во всех случаях приводил каждое извлечение, термин, понятие на языке оригинала). В интересах экономии места мы не будем приводить перечень цитируемых и упоминаемых отечественных авторов.

Номенклатура принципов, приемов, правил общей методики, рассмотренных Н.В. Русиновым, доказывает, что ни одно издание общей методики систематизации за последние 50 лет не может "перекрыть" книгу Н.В. Русинова ни по количеству изученных вопросов, ни по глубине анализа, ни по качеству приводимых иллюстраций (все примеры даны на реальных печатных карточках Книжной палаты).

Частных методик систематизации Н.В. Русинов не писал. Мы не знаем его позиции по этому вопросу. Возможно, он понимал, что написать более или менее представительный комплект таких пособий он просто уже не успеет (60 лет ему исполнилось в 1933 г., но он продолжал работать), а начинать с "любимых" (например, с физиологии, ветеринарии или археологии) ему не хотелось. Решение было найдено: все методические рекомендации, советы, все наблюдения и

размышления Н.В. Русинов вписывал аккуратным почерком в таблицы классификации — рукописные листы большого формата (собственный перевод последних изданий ДК МБИ — УДК со всеми дополнениями и исправлениями). Когда количество записей на листе начинало мешать поиску "классификационной истины", Н.В. Русинов аккуратно переписывал лист. Так рождались "таблицы практики Книжной палаты" [42], которые, как писал Е.И. Шамурин во вступительной статье к таблицам, раскрыли все специфические особенности десятичной классификации, все нюансы ее применения, все возможности, которые она в себе содержит.

В итоге незаметной повседневной творческой работы Н.В. Русинова создавался советский вариант десятичной классификации, с формулировками, отличными от французского первоисточника. Все новые понятия сразу же получали классификационные решения. Особенности методов Н.В. Русинова были точность, отсутствие "приблизительности" и здоровый "децимальный консерватизм": Н.В. Русинов приспособлял таблицы ДК для нужд советских библиотек, но не разрабатывал новые.

Читателю, никогда не державшему в руках "Десятичную классификацию книг" Н.В. Русинова, трудно представить всю полноту методического оснащения таблиц, где нет никаких методических введений или приложений! Вся частная методика старательно изложена в тексте таблиц, иногда предварена заголовком "Примечания", а иногда просто в виде методических указаний к индексам. "Необходимо иметь в виду", "Следует принять за правило", "Рекомендуется", "Мы предпочитаем" — этими словами Н.В. Русинов начинает изложение, сопровождая текст примерами сложных случаев, показывающих, как надо рассуждать, анализировать, выбирать правильное решение. Каждое общее положение рождается в результате нескольких ясных по содержанию примеров, при этом стиль изложения — наиболее приемлемый для библиотекаря. "Деревянную маслобойку, которая применяется только в молочном хозяйстве и должна быть отнесена именно туда, некоторые специальные библиотеки могут предпочесть отнести в деревообделочное производство, если оно их интересует более, нежели молочное хозяйство" [42, с. 79]. Все "Примечания" последовательно нумеруются (всего их 183) и с помощью ссылок связываются друг с другом. "Таблицы Н.В. Русинова", как их называли библиотекари, были изданы тиражом всего 5 тыс. экземпляров и очень скоро превратились в библиографическую ре-

дость. В тех же библиотеках, где по ним начали работать, вписывать в них новые индексы и формулировки, таблицы очень быстро постарели физически.

Сегодня можно сказать о том, как трагически сложилась судьба десятичной классификации во Всесоюзной книжной палате. В 1936—1937 г. перестали поступать новые классификационные решения, связь с П. Отле прервалась. Н.В. Русинову приходилось дорабатывать таблицы самостоятельно. В тех классах, где ему было проще принимать решения (общественные науки, медицина, сельское хозяйство, искусство), дополнения и исправления вводились более или менее регулярно. Конечно, наибольшее внимание приходилось уделять общественно-политической литературе. На развитие таблиц по естественным наукам и технике времени почти не оставалось, к тому же в стране не было системы коллективной ответственности — разделения труда по развитию таблиц классификации. В библиотеках работали, как правило, гуманитарии, а научная и инженерная общественность к решению классификационных проблем не привлекалась. Почти два десятилетия изоляции от мировой классификационной практики привели к полной утрате авторитета УДК — безнадежно устаревающей системы, не обеспеченной к тому же изданием таблиц. Призывы библиотекарей об издании "таблиц практики" звучали не только на библиотечных совещаниях, но и на страницах печати. Лишь в конце 1950-х гг. СССР (в лице ВИНТИ) вступил в Международную федерацию по документации. Были получены таблицы УДК, весьма существенно отличающиеся от "таблиц практики". А с рождением государственной системы научно-технической информации (1962 г.) применение УДК в научно-технических библиотеках и органах НТИ стало обязательным. Началась централизованная систематизация по УДК, подготавливались таблицы в русском переводе.

Н.В. Русинов был активным сторонником международных контактов в области информации и документации. В октябре 1922 г. по просьбе П. Отле он направил в газету "Известия" обращение Международного библиографического института к русским ученым и специалистам, в котором всем библиотечным, библиографическим, архивным и научным организациям, а также отдельным специалистам предлагалось принять участие в совершенствовании десятичной классификации. Оно опубликовано в приложении к письму Н.В. Русинова [10], однако своей цели не достигло: предложений по совершенствованию десятичной классификации в адрес Н.В. Русинова и МБИ так

и не поступило. Н.В. Русинов полагал, что активное участие в работах Международного библиографического института могло бы существенно улучшить десятичную классификацию, позволило бы внести в текст таблиц дополнения и исправления, связанные с жизнью молодого советского государства и его реалиями. Известно только, что бытовало мнение, будто буржуазные специалисты резко отрицательно отнесутся к любым попыткам отражения новых идеологических или политических понятий в классификации, созданной в МБИ. Н.В. Русинов эту точку зрения не поддерживал. Некоторые горячие головы уже в те годы предлагали немедленно приступить к разработке "советской десятичной классификации" вместо того, чтобы активно сотрудничать с МБИ. Удивительная возможность сэкономить колоссальные трудовые ресурсы нами утрачена, а разработка советской Библиотечно-библиографической классификации затянулась до конца 1960-х гг.

Имя Николая Валериановича Русинова, его труды не должны быть забыты сегодняшним поколением библиотекарей. Именно сейчас, в сложные, переломные годы его творчество приобретает особые черты — он пытался научить нас думать, быть предпринимателями, творцами, мастерами своего дела.

Список трудов Н.В. Русинова

1. *Conditio sine qua pop...* / Подпись: М. Перский // Вет. обозрение. — 1901. — № 1. — С. 25—34; № 2. — С. 88—95. — Пер. загл.: Непременное условие.

2. Засорение желудка у рогатого скота // Вет. фельдшер. — 1901. — № 1. — С. 7—9.

3. К казуистике так называемой "Болезни Борна": (*Die Bornasche Krankheit*) // Вестн. обществ. ветеринарии. — 1906. — № 3. — С. 132—141.

4. О "раскрепощении" ветеринара: (Обращение к товарищам) // Там же. — № 1. — С. 13—15.

5. Тип ветеринара в литературе и вопросы психологии ветеринарной профессии: (По поводу соч. М. Горького "Дети Солнца") // Там же. — № 21. — С. 922—925; № 22. — С. 962—965; № 23. — С. 1037—1050; № 24. — С. 1104—1114.

6. Материалы к учению о пищеварении у птиц: Эксперим. исслед. из физиол. лаб. Петровской академии. — Пг., 1918. — 124 с.; табл.

7. К технике архивоведения: (Группировка и каталогизация архив. материалов). — М., 1918. — 11 с.

8. Архив в новых общественных учреждениях // Продовольств. дело. — 1918. — № 17. — С. 17—18; № 18. — С. 18—20; То же. — М., 1918. — 18 с.

9. К вопросу о применении десятичной системы для классификации административных документов и архивов // Вопр. организации и управления. — 1922. — № 3. — С. 54—61.

10. Письмо в редакцию // Известия ВЦИК Советов. — 1922. — 9 дек. — С. 5.

11. Второй Международный Конгресс по административным знаниям // Вопр. организации и управления. — 1923. — № 1. — С. 108—120.

12. Проект классификации административных документов и архивных дел по международной десятичной системе // Там же. — С. 163—180.

13. Конференция международных ассоциаций // Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов. — 1924. — 29 авг. — С. 3. — В порядке обсуждения.

14. Десятичная классификация документов: Руководство и крат. таблицы. — М.: Изд-во Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, 1924. — 205 с.

15. Десятичная классификация документов: Руководство и крат. таблицы. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, 1925. — 322 с.

Рец.: Голубцов И. // Арх. дело. — 1926. — Вып. 7. — С. 149—152.

16. Применение десятичной классификации в регистратурах Голландии: (Decimale Registratur). — М.: Изд-во Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, 1925. — 34 с.

17. Регистратура и архив: (По поводу соврем. делопроизводства. лит.) // Арх. дело. — 1926. — Вып. 7. — С. 10—19; Вып. 8—9. — С. 26—35.

18. Химия и документация: (К предстоящему открытию Центр. бюро документации Междунар. союза чистой и прикл. химии) // Техн.-экон. вестн. — 1926. — № 10. — С. 647—653.

19. Об индексации Книжной летописи // Тр. I Всерос. библиогр. съезда в Москве, 2—8 дек. 1924 г. — М., 1926. — С. 59—65, 84—86.

20. Архивы центральных учреждений // Арх. дело. — 1926. — Вып. 8—9. — С. 98—103.

21. [Рецензия] // Там же. — С. 171—173. — Рец. на кн.: Тиличев Ю.А. Делопроизводство потребительских обществ и союзов. Ч.1. Понятие о делопроизводстве и его основных элементах. Системы делопроизводства. — М.: Изд-во Центросоюза, 1925. — 55 с.

22. [Рецензия] // Там же. — С. 176—177. — Рец. на кн.: Представительство НКПС за границей. Транспорт за границей: Опыт обследования европейского транспорта сотрудниками НКПС, командированными за границу. — Берлин, 1925. — 510 с.

23. Из впечатлений заграничной командировки в 1923 г. // Там же. — 1927. — Вып. 10. — С. 92—94.

24. [Рецензия] // Там же. — С. 110—112. — Рец. на кн.: Классификация корреспонденции транспорта (по буквенной системе). — 2-е изд., доп. — Харьков, 1926. — 262, 42 с.; Эйхвальд А. Правила организованного делопроизводства. — М.: Транспечать, 1926. — XXIV, 384 с.; 1 табл.

25. В архивах действующих учреждений // Там же. — Вып. 11—12. — С. 154—158.

26. В справі дальшого застосування децимальної класифікації // Бібліологічні вісті. — 1928. — № 1. — С. 56—62. — Пер. загл.: К вопросу о дальнейшем применении десятичной классификации.

27. Статистичні дані про Міжнародній (Брюссельській) Бібліографічний інститут // Там же. — С. 155—156.

28. Сесія Міжнародного Бібліографічного інституту 1928 р. // Там же. — С. 156.

29. Шоста Міжнародня Бібліографічна Конференція // Там же. — С. 156—157.

30. Міжнародня Каталогічна Комісія // Там же. — С. 157.

31. Інтернаціональне Книгознавче Товариство // Там же. — 1929. — № 2—3. — С. 119—121.

32. Zur Frage der Anwendung des Dewey-Brüsseller Dezimalsystems: (Kurze Darstellung) // Primo Congresso Mondiale delle Biblioteche e di Bibliografia, Roma—Venezia, 15—30 Giugno 1929. Vol. 2. Memorie e comunicazioni. — Roma, 1931. — P. 107—108. — Пер. загл.: К вопросу о применении Брюссельского варианта Десятичной классификации Дьюи.

33. Десятичная классификация и систематический каталог: Введение. — М.: Гос. центр кн. палата, 1931. — 178 с. — (Пособия по библиогр. и библиогр. технике / Под ред. Е.И. Шамурина; Вып. 2).

34. [Рецензия] // Сов. библиогр. — 1935. — № 4. — С. 216—218.
— Рец. на кн.: Отле П. Основы документации: Книга о книге: Теория
и практика. — Брюссель, 1934.

35. [Рецензия] // Там же. — С. 218—219. — Рец. на кн.:
Универсальная десятичная классификация. Т. 4. — Брюссель, 1933.

36. Голландское издание сокращенных таблиц десятичной клас-
сификации // Сов. библиогр. — 1936. — № 1. — С. 133—134.

37. Международный путеводитель по архивам Европы // Там же.
— 1937. — № 1. — С. 205—206.

38. Таблицы десятичной классификации для архивов муници-
пальных учреждений // Там же. — С. 206—207.

39. Третье "Международное" издание полных таблиц десятичной
классификации // Там же. — № 2. — С. 247—251.

40. Документация на Западе // Там же. — № 3. — С. 59—70.

41. Географические определители СССР по международной де-
сятичной классификации / Табл. сост. Н.В. Русиновым и Б.С. Бод-
нарским. — М., 1941. — 16 с.

42. Десятичная классификация книг: Таблицы и метод. указания.
— М., 1944. — 156 с. — Вступ. статья: Е.И. Шамурин. Н.В. Русинов
и десятичная классификация в СССР. — С. 3—5.

Рец.: Амбарцумян З.Н. К вопросу о классификации книг в
советских библиотеках // Библиотекарь. — 1946. — № 11—12. — С.
24—30.

Рец.: Хавкина Л.Б. По поводу классификации книг // Там же.
— 1947. — № 4. — С. 14—21.